

славянский и наоборот с гораздо большей степенью вероятности следует искать в Чехии X и XI вв., чем в Киевской Руси около 1100 г. Переход памятника из одного языка в другой наиболее правдоподобен в двуязычной среде, а двуязычность доказана хотя бы на примере Сазавского монастыря XI столетия. Поэтому кардинальной проблемой филиации следует считать отношение предполагаемого источника «Сказания о предложении книг» к легенде Кристиана, а не отношение существующего вида «Сказания» в ПВЛ к непосредственному оригиналу.

Конкретнее филиацию текстов можно представить себе с помощью понятия, введенного Р. О. Якобсоном в этом вопросе, — его предположения об источнике Козьмы под названием «*Privilegium moraviensis ecclesiae*». Это, разумеется, чистая гипотеза до тех пор, пока не удастся отождествить «*Privilegium*» с одним из дошедших до нас текстов. Безусловно, что это был текст латинский, но вопрос заключается в том, пользовался ли им уже Кристиан, как чаще всего считают, или этот памятник был составлен на основе легенды Кристиана и послужил источником лишь для Козьмы в начале XII в. Во всяком случае источником латинского «*Privilegium*» являлся старославянский вариант, который как раз был непосредственным оригиналом «Сказания о предложении книг» в ПВЛ. Чтобы отличить существующий вид «Сказания» от его предполагаемого оригинала, будем называть последний «старославянским *Privilegium*». Это, разумеется, условное и произвольное обозначение, и мы избираем его только для большей терминологической ясности. Основной вопрос состоит в следующем: был ли «старославянский *Privilegium*» старше или младше сочинения Кристиана?

Ситуация в обоих случаях сходная. В Киеве и в Праге в начале XII в. появляются авторитетные летописные сочинения: в Киеве — ПВЛ (в данном случае не существенно, имеем ли в виду реакцию Нестора 1113 г. или Сильвестра 1116 г.), в Праге — Хроника Козьмы, состоящая из трех частей (Козьма умер в 1125 г.). Однако в предшествующих фазах развития летописной традиции (XI в.), как киевской, так и чешской, много неясного. В Киеве сталкивались различные тенденции: «грекофильская», центром которой Н. К. Никольский считал Печерскую лавру, и русская, патриотическая, представленная, например, митрополитом Иларионом. Кроме того, Н. К. Никольский предполагал существование чисто «славянофильской» тенденции, которая чувствуется в вводных статьях ПВЛ. В Чехии XI столетия разыгралась борьба между славянской ориентацией, центром которой был прежде всего в Сазавском монастыре, и ориентацией западной, латинской. Козьма — представитель победившей латинской тенденции. Однако нам не ясно, как в историографии проявилось направление, представленное Сазавским монастырем.

Именно в области идеологической борьбы и лежит основной аспект проблем, связанных с легендой Кристиана. В первых двух главах сочинения Кристиана явно чувствуются симпатии к кирилло-мефодиевской культуре. Необходимо выяснить, в каких исторических условиях чешский автор мог написать такие вдохновенные главы о деятельности Кирилла и Мефодия. Есть три возможности: либо Кристиан писал в последнем десятилетии X в., как явствует из сведений самой легенды (Пекарж), либо вскоре после Козьмы, в XII в. (Добнер), либо в начале XIV столетия (Добровский).

Для предположения о возможности возникновения легенды Кристиана в XII в. очень мало оснований. Как раз накануне этого столетия славянское богослужение в Чехии было запрещено — латынь одержала решительную победу. Можно допустить, что легенду Кристиана составил один из